

Анна
Вербовская

Когда мой папа надевает шляпу



Время – детство!

Анна Вербовская

Когда мой папа надевает шляпу

«WebKniga»

2019

Вербовская А.

Когда мой папа надевает шляпу / А. Вербовская — «WebKniga», 2019 — (Время – детство!)

У папы героини повести Анны Вербовской удивительная шляпа. В ней собрано множество забавных историй и небывалых приключений. Когда он её надевает, мир расцветивается новыми красками, ботинки поют песни, цирковые слоны пускаются в пляс, само варится варенье и все болезни излечиваются моментально. И пусть папа так и не стал лётчиком, не сумел выиграть битву с домашним котом, а в детстве его исключали из школы. Зато у него есть настоящий, самый преданный друг. И ещё он знает всё на свете. Почти всё. Повесть «Когда мой папа надевает шляпу» вошла в длинный список литературного конкурса имени Сергея Михалкова.

Содержание

С утра я рад, чего-то жду...	7
Когда мой папа надевает шляпу...	15
Как папа не стал лётчиком	22
Привет от тёти Розы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Вербовская
Когда мой папа надевает шляпу

© Вербовская А. М., 2019

© «Время», 2019

* * *



С утра я рад, чего-то жду...



Не знаю кому как, а мне с папой повезло.

Он у меня весёлый. Знает всё про космос, ракеты и звёзды. Любит черничное, брусничное, клубничное и вообще всякое варенье и маленькие пирожки – с грибами и луком. Ходит в поход на байдарке. И ещё он поёт хорошие песни.

– Какой большой ветер, – поёт папа, – напал на наш остров! С домишек сдул крыши, как с молока – пену.

Я дую на тёплое кипячёное молоко и представляю: остров, ветер, мы с папой спрятались в маленьком домике, прижавшемся к скале. Страшно!

– Не бойся! – смеётся папа и гладит меня по голове. – Я спою тебе другую песню.

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что из крыльев комаришки
Сделал две себе манишки,
И в крахмал, и в крахмал!

– Пап, что такое манишка?

– Манишка... ну... такой нагрудник...

– Как у малышей?

– Почти. Только его джентльмены под фрак надевают. Вместо целой рубашки.

– Зачем?

– Ну... – Папа пожимает плечами. – Может, у кого денег нет на целую...

– А ты джентльмен? – спрашиваю я папу.

Папа смеётся:

– Это ты у мамы спроси.

– А у тебя есть манишка?

Нет, у папы моего нету ни фрака, ни манишки. Только песни.

– Хочешь, про раджу спою?

Там, где Ганг стремится в океан
И так ярк синий небосклон,
Где крадётся тигр среди лиан
И по джунглям бродит дикий слон...

– Про раджу грустная... лучше «Утро красит нежным светом...»

– ...стены древнего Кремля, – радостно подхватывает папа. – Просыпается с рассветом вся советская земля!

Папа поёт везде: дома – в ванной и на кухне, в лифте, в автобусе, на улице по дороге на работу. Иногда мне за него бывает стыдно. Не потому, что он поёт. А потому, что ведёт себя... хуже малыша в манишке, честное слово.

– Але-оп! – провозгласил на той неделе папа и жестом фокусника вытащил из кармана два билета в цирк. – Клоунов любишь?

Клоунов я люблю. И акробатов люблю. И воздушных гимнастов. И дрессированных мартышек и львов. И ещё я очень люблю свою маму.

– А почему билетов два?

– Потому что мама будет варить нам на обед борщ. И вообще... она цирк не того... не очень.

– Да-да, – подтвердила мама. – Я больше оперу. И балет. Идите-ка вы лучше вдвоём.

И мы пошли.

Всю дорогу папа громко пел:

С утра я рад, чего-то жду.
Ура, ура! Я в цирк иду!

Папа и правда радовался всё утро. Встал в полседьмого. Перебудил весь дом. Заставил меня сделать зарядку и съесть овсяную кашу. Маму – выгладить ему рубашку и завязать галстук. Сам-то он ничего не умеет – ни завязывать, ни гладить.

Потом надел новый костюм. Начистил до блеска ботинки. Мне велел вымыть туфли, зубы и уши. И вот...

С утра я рад, чего-то жду.
Ура, ура! Я в цирк иду!

Всю дорогу до цирка я крепко держала папу за руку. Боялась, вдруг он пустится ещё и в пляс. Искося смотрела на прохожих, как они реагируют на его выступление. А папе до прохожих не было никакого дела. Он шёл и горланил без остановки:

Ура, ура! Я в цирк иду!

– Пришли уже, – сказала я папе.

Прямо перед нами вырос огромный белый купол. Вокруг гремела музыка. Крутились карусели.

– Билеты не забыл?

Я знала, что говорю. Папина забывчивость вошла у нас в поговорку. Он всегда всё теряет, пропускает, забывает: куртку в троллейбусе, сумку в метро, покупки на прилавке магазина. Я уж не говорю про мой и мамин день рождения.

– Где билеты-то?

На этот раз билеты оказались на месте – в кармане папиного пиджака. Видно, он просто забыл их забыть.

– Проходите, – сказала тётенька в бордовом жакете.

И мы прошли. Папа втянул носом воздух и зажмурился:

– Хорошо! Как в деревне!

Пахло слонами, опилками и сладкой сахарной ватой.

– А не ударить ли нам по мороженому? – спросил папа. – Или предпочитаешь сфотографироваться с обезьяной?

Я предпочитала ударить. В смысле – по мороженому. Мы протиснулись к лотку, сплошь заставленному вафельными стаканчиками. Из стаканчиков торчали разноцветные круглобокие шары: белые, коричневые, кремовые.

– Тебе шоколадное?

Себе папа взял сразу два: ванильное и крем-брюле.

– Больше всего люблю цирк из-за слонов и мороженого! – объявил папа, по очереди облизывая сливочные шапки. – Вкуснотища-а-а!!!

Папа чавкал, хлюпал, причмокивал и хрюкал от удовольствия. Откусывал то от ванильного, то от крем-брюле. Вгрызался в стаканчики. Подхватывал языком стекающие по вафельным бокам капли. В общем, вёл себя... как обычно.

– Не пойму, какое лучше. Вроде ванильное... Или крем-брюле... А может, оба...

Ванильное мороженое таяло стремительно. Крем-брюле не отставало. Сладкие липкие потоки текли ручьём: папе на руки, на пол, на лацкан его нового пиджака.

– Эх, я растяпа! – расстроился из-за пиджака папа и в сердцах взмахнул остатками крем-брюле.

Кусок мороженого шлёпнулся на подол моего нарядного платья.

– Вот видишь, к чему приводит жадность, – объяснил мне папа, пытаясь уместить два обгрызенных стаканчика в одной руке. Второй рукой он тщетно старался нашарить в кармане носовой платок.

– На, – я протянула ему свой, с кружевами и вышитой в уголке розочкой.

Дз-з-з-з-з-з-зын-н-н-н-н-н-нь!!! – прокатилось по всему цирку.

– Пора! – всполошился папа.

– Ку-у-да?! – загородила грудью проход служительница с зажатым в руке веером программ.

– У нас билеты! – Папа вновь принялся рыться в своём кармане, на этот раз в поисках билетов.

– С мороженым в зал нельзя!

– А что же делать?

– Ешьте здесь!

– Я не смогу! – честно признался папа.

Служительница равнодушно пожала плечами.

– Пойдём. – Я потянула папу за рукав пиджака.

– Куда? – удивился папа.

Я подвела его к урне. Папа обречённо вздохнул. Бросил печальный взгляд на размокшие и размякшие останки стаканчиков. Откусил напоследок.

– Сама-то своё доела!

Я отняла у папы мороженое, выбросила в урну. Подтащила к служительнице. Заставила купить программку.

– У вас какой сектор? – строго спросила служительница.

Папа долго хлопал себя по бокам и карманам. Охал. Клялся, что были, вот прямо только что...

Я вспомнила, что положил он их во внутренний карман. Оттянула полу его пиджака. Вытащила измятые билеты.

У нас оказался сектор Б.

– А здесь сектор Д.

– А может...

– Не может!

Мы обогнули чуть не весь цирк, убегая от оглушительно назойливого звонка. Коридор, по которому мы неслись, был длинный. Звонок – последний.

– Уф-ф-ф!!! – выдохнул взмыленный папа. – Успели!

Он осторожно пробирался вдоль ряда, безуспешно стараясь не отдалить чужие ноги.

– Ай! Ой! – кричали ему вслед. – Осторожнее!

Папа вежливо кланялся и прижимал к груди билеты.

– Ну вот! – сказал он и остановился перед женщиной в платье с кружевным воротником.

Рядом с женщиной сидел толстый мальчик с вздыбленными ёжиком волосами.

Наши места были заняты.

– Освободите! – грозно сказал папа.

– С какой стати? – возмутилась женщина.

– У нас билеты!

– У нас тоже!

– Не может быть! – вскричал папа и сразу весь с головы до ног покраснел.

Мне стало как-то неловко. Я тоже покраснела и отвернулась, как будто я тут не с ним.

– Вот и дочка со мной! – ткнул в мою сторону папа. – Попрошу нам освободить!

Женщина молча протянула свои билеты.

– Хм-м-м... ничего не понимаю... – Папа вертел её билеты так и этак. – Восьмой ряд, первое место...

Бам-бам-бам! – грянули барабаны.

Блям-м-м! – зазвенели литавры.

Ту-ру-ру! – запели флейты и гобои.

На нас зашикали. Представление началось.

– Вот наши места, – показал папа, когда мы, извиняясь и согнувшись в три погибели, пробрались наконец сквозь строй топчущих ног и выскочили в проход.

Места оказались восьмое и девятое, в первом ряду. Папа, как всегда, всё перепутал.

– Первый раз в жизни сижу в цирке на первом ряду! – воскликнул папа, удобно устроившись в кресле и вытянув вперёд ноги.

Мне было странно, что у такого большого, взрослого папы что-то может быть первый раз в жизни.

– С утра я рад! – к моему стыду запел папа во весь голос. – Чего-то жду!

На арену вышел шпрыхшталмейстер. Папа нагнулся ко мне и шепнул в самое ухо:

– Это шпрыхшталмейстер.

Шпрыхшталмейстер взмахнул руками, как дирижёр. И...

Всё закружилось, завертелось и понеслось вдоль арены галопом.

Под купол цирка взлетали трапеции. Сверху опускались огромные переливающиеся шары. Ходили на задних лапах медведи и стриженные под львов пудели. Неслись на быстроногих рысаках джигиты, то и дело ныряя своим лошадям под брюхо и вскакивая в седла с другой стороны.

– Вольтижировка, – непонятно комментировал происходящее папа.

– Ха-ха-ха! – кричал неизвестно откуда взявшийся клоун в детских шортах на лямках и с огромным поролоновым носом. – А вот и я!

фокусника веером раскрыта целая колода карт. Ещё один взмах – и колода просочилась сквозь пальцы. Поворот кисти – пустота. Щелчок пальцев – звенят монеты. Хлопок в ладоши – и в воздух полетели ленты, перья, бумажные цветы.

– Ух ты-ы-ы!!!

– Ловкость рук, – объяснил моему уху папа. – Я тоже так умею.

Что-то я никогда не замечала...

– Потом покажу... Но когда же слоны?

После фокусника были воздушные гимнасты. Потом жонглёры. Потом женщина-змея в блестящем облегающем костюме, очень похожем на настоящую змеиную кожу. Она и вела себя как взаправдашняя кобра – изгибалась, извивалась, скручивалась кольцами.

– Ничего особенного. Я так тоже могу, – шепнул мне вконец завравшийся папа. – Но... слоны-то точно будут?

– Вот! Написано же! – Я ткнула пальцем в программку.

И тут на арене вновь появился шпрыхштальмейстер. Он принял торжественную позу, дождался, пока совершенно затихнет зал, и громко прокричал:

– Рави и Шаши!

– Кто-кто?

– О! Я знаю! Я знаю! – заёрзал в кресле папа, потирая от удовольствия руки. – Я читал... есть такой рассказ... не помню автора...

Тяжёлая бархатная штора, закрывавшая выход на арену, заколыхалась. Показался длинный хобот, за ним ещё один. Потом толстые исполинские ноги. Одна, вторая... четвёртая... шестая... Плавно переваливаясь и покачивая массивными головами, на арену легко и величественно выплыли два слона.

– Видишь уши? – шепнул мне папа.

– Ну вижу.

– Маленькие.

– Ничего себе маленькие! – возмутилась я.

– По сравнению с африканскими, – успокоил меня папа. – Африканские слоны вообще не поддаются дрессировке. А эти индийские.

Вместе с индийскими слонами на арене возникла прекрасная девушка в восточных шароварах и с длинной палочкой в руке. По мановению этой палочки слоны опускались на колени, стояли на тумбе на одной ноге, забирались на огромные шары, вертели хоботом кольца...

– Что творят! – радовался за слонов папа. – Что творят!!!

А потом девушка резко взмахнула своей палочкой и Рави вместе с Шаши дружно взмыли вверх и так и остались стоять на задних ногах, задрвав к куполу цирка хоботы и передние ноги.

– А-а-ах-х-х! – разом выдохнул зал.

– О-о-о!!! – с уважением протянул папа.

И тут... тут случилось такое... даже неудобно как-то вспоминать...

В общем, Рави... а может быть, это был Шаши... словом, кто-то из этих дрессированных, можно даже сказать, воспитанных слонов... в общем, это животное перепутало цирк с туалетом. Продолжая стоять на задних ногах и жизнерадостно помахивая в воздухе передними, слон выпустил на арену такую мощную, такую звонкую струю...

– А-а-ах-х-х! – ещё раз вздохнул зал и замер в гробовой тишине. Только слоновья струя продолжала нескончаемо журчать – видно, много в тот день он выпил воды.

И тут отличился мой папа. Он так ждал этих слонов. Так радовался. И тут вдруг такой пассаж. В общем, папа совершенно обезумел от восторга. Он подскочил в своём кресле и завопил на весь цирк, показывая на слона пальцем:

– Писает! Писает!!! Смотрите! Писает!!!



Что было дальше, я плохо помню. Кажется, грянул гром и под ногами разверзлась земля. Вокруг свистели, хохотали и хлопали в ладоши. Слоны стыдливо опустили на все свои четыре ноги и в смущении покинули арену. Выбежал шпрыхталмейстер. Грянула музыка. Вышли для прощания все участники представления. Мне было так стыдно за папу и его ужасное поведение, что захотелось тут же умереть и больше ничего не видеть и не слышать.

...Мама была дома и ждала нас с борщом, котлетами и компотом.

– Ну как? – спросила она, вытирая руки о фартук.

– Больше я в цирк не пойду. Никогда!

– Почему? – удивилась и даже, кажется, расстроилась мама.

– Вот! – показала я на папу. – Потому!

На папином лице красовался огромный поролоновый нос, купленный им в антракте вместе с сахарной ватой.

Я сбросила туфли, швырнула на тумбочку смятую программку и пошла мыть руки. Мама выразительно посмотрела на папу. Папа поправил свой красный нос на резинке и расплылся в совершенно глупой улыбке.

– А на балет? – спросила мама за обедом. – На балет пойдём? Я билеты купила. На «Лебединое озеро».

...Сегодня папа опять поднял весь дом в полседьмого. Меня заставил съесть овсяную кашу. Маму – надеть коралловые бусы и накрасить как следует губы.

И вот мы идём в театр. На этот раз – все втроём.

– С утра я рад! – поёт на всю улицу папа. – Чего-то жду!

– Чего ты на этот раз ждёшь-то? – уточняю я.

Он что, забыл, что мы вообще-то не в цирк...

– Люблю балет! – мечтательно говорит папа. – Танец маленьких лебедей!

– А слонов? – спрашиваю я ехидно.

– О! Конечно! Слонов – особенно!

Хорошо, что слоны не танцуют в балете.



Когда мой папа надевает шляпу...



Когда мой папа надевает шляпу, он моментально из папы превращается в артиста. Папа в шляпе – вылитый Ален Делон. Или, лучше, Бельмондо. Жан Габен. Марчелло Мastroяни. Такой же красивый профиль, уверенный взгляд, развевающийся на ветру длинный болоньевый плащ.

– Не-е-е, – с сомнением качает головой мама. – Не Мastroяни.

– А кто? – допытываюсь я.

– Луи де Фюнес, не больше. В крайнем случае Никулин. Или Пьер Ришар.

Это она так деликатно намекает, что мой папа никакой не артист, а самый обыкновенный комедиант.

Лично мне папа в шляпе больше напоминает учёного – физика или, допустим, ветеринара. В общем, доктора наук с умным лицом и в очках. Правда, зрение у папы отменное и очки он никогда не носил. Зато он носит большую круглую лысину. Этой лысины он немного стесняется. Потому и прикрывает её сверху.

– Чтоб не мёрзла, – объясняет папа. – А летом – чтоб не обгорела.

Мой папа так любит свою шляпу, что не расстаётся с ней никогда: ни в дождь, ни в жару, ни в лютую стужу.

– Не пора ли её наконец выбросить? – морщится мама. – Пойдём в универмаг, купим новую.

– Новую неинтересно, – отвечает папа. – Новые все одинаковые...

Вот тут мой папа совершенно прав. В магазине все шляпы похожи друг на друга, как близнецы: ровные поля, специальная вмятина сверху тульи, блестящая атласная лента вокруг. А у папы... о! такой шляпы, как у моего папы, больше нет ни у кого на свете. Хоть с фонарём ищи, хоть с собаками.

Во-первых, лента на ней, хоть и атласная, давно уже не блестящая, а вся потёртая и даже дырявая в нескольких местах. И поля как будто изгрызены – то ли молью, то ли дворовыми собаками. Да и никакой специальной вмятины сверху тульи сто лет как нет. Потому что сама шляпа представляет из себя одну большую потрёпанную вмятину...

– Ничего вы не понимаете, – говорит папа, сдувая со своей шляпы пыль и бережно укладывая её на полку. – Это знаменитая шляпа. Историческая шляпа. Волшебная шляпа.

Ну историю-то этой шляпы мы все хорошо знаем. Её моему папе подарил его папа. А папиному папе – папа папиного папы. А папе папиного папы... в общем, цепочка этих шляпных пап тянется далеко во времена глубокого Средневековья. Похоже, покупал её ещё сам Иван Грозный. А может, Юрий Долгорукий, кто их там разберёт...

Только что в ней может быть волшебного? Шляпа как шляпа. Хоть и драная, как кошкин хвост.

– О! – говорит папа. – Как вы не понимаете? В этой шляпе такое волшебство... такое... Тове Янссон читали?

– Давно, – говорит мама.

– Не помню, – говорю я.

– Ну вот, а в моей шляпе живут привидения!

– И главное привидение в шляпе – это, конечно, ты, – ехидно вставляет мама.

Только не такой человек мой папа, чтобы обращать внимание на всякие колкости.

– Во-вторых, – невозмутимо продолжает он, – в моей шляпе можно варить суп!

– Ты варил?! – удивляюсь я.

– Варил, варил, – уверяет меня мама. – Сразу видно. И по-моему, не только суп.

– Не перебивайте, – строго говорит папа. – Лучше слушайте. Так вот, застала меня однажды в ночном лесу буря...

– А что ты делал ночью в лесу?

– Грибы собирал.

– Ночью?! Грибы?!

– Так ведь ночь – самое грибное время, – объясняет папа. – Ночью грибы перестают бояться людей и вылезают из своих тайных укрытий. Тут только не зевай, собирай их быстрее.

– И много ты насобирал?

– Полную шляпу!

– Понятно! – кивает мама. – Она у тебя ещё и лукошко.

– Моя шляпа может быть чем хочешь, – с гордостью говорит папа. – В тот раз она была котелком.

– Каким котелком? – спрашиваю я.

– Обыкновенным. В каком суп на костре варят. В общем, высыпал я на землю грибы. Набрал воды с неба.

– С какого неба?

– С обыкновенного неба, голубого!

– Так ведь была же ночь!

Мы с мамой смеёмся и радостно потираем руки: наконец-то нам удалось папу подловить на вранье.

– Ничего вы не понимаете! – сердится папа. – Оно же голубым было от света внеземных галактик... в ту ночь они особенно близко подошли к Земле и светили ярко, как прожектор... в общем, набрал я в шляпу дождя...

– Накидал сверху звёзд, – подсказывает мама.

– Каких звёзд? – обижается папа. – До звёзд я не смог дотянуться. У меня же рост метр семьдесят... с хвостиком...

Да... чем-чем, а ростом мой папа похвастаться не может. Рост у него, прямо скажем, не ахти. Даже хвостик не спасает...

– Ну вот. Пришлось обойтись простой кометой. От неё столько искр! Такой костёр разгорелся! В общем, вскипятил я в шляпе воды, покрошил грибочков, такой супец вышел... загляденье!

– А чего нас-то не угостил? – интересуемся мы с мамой.

– Так это... шляпа маленькая, пятьдесят седьмой размер... а я такой был голодный...

Подобных историй в папиной шляпе хранится миллион. Каждый раз он вытягивает из неё что-нибудь новое – как фокусник своего длинноухого зайца.

– Однажды она спасла утопающего, – хвастается папа и любовно поглаживает свою шляпу: вот, мол, какая молодец.

– Шляпа?! Утопающего?!!

– Иду я как-то по берегу, – продолжает рассказывать папа. – Смотрю: утопающий утопает. Руками машет, ногами машет, головой под воду проваливается. Что делать? Делать нечего. Надо его как-то спасти... Вот я и стал бегать по берегу...

– Зачем?

– Как зачем? Палку искать.

– Зачем палку?

– Господи! – сердится папа на мою непонятливость. – Утопающему протянуть!

– Нашёл?

– Какой там! Берег-то был скалистый, ни кустика, ни деревца, одни сплошные камни. И тогда я бросил ему...

– Камень?

– И тогда я бросил ему шляпу! Как спасательный круг!

– А что утопающий?

– Утопающий сразу перестал утопать, вцепился в мою шляпу мёртвой хваткой...

– Почему мёртвой? Он, пока ты бегал, успел умереть?

– Нет, просто так говорится... в общем, вытащила его шляпа на берег. Целого и невредимого. Я только ему искусственное дыхание сделал.

– А где твоя медаль «За спасение утопающих»?

– Медали нет. Это ж не я его спас, а шляпа! А шляпам медали не дают.

За свою долгую, полную приключений жизнь папина шляпа успела совершить много полезных и добрых дел. Вынесла из пожара котёнка. Свила гнездо для выводка цыплят. Накрыла своим телом замерзающий розовый куст.

– А вы хотите, чтобы я её выбросил, – говорит папа и смотрит на нас укоризненно и печально.

Кроме шляпы у моего папы есть ещё много чего. Например, свитер. Грубый, колючий, из свалывшейся верблюжьей шерсти.

Когда мой папа надевает этот свитер, он становится как писатель. Вроде Эрнеста Хемингуэя. Такие же широкие плечи. Мужественное лицо. Морщины на лбу и мудрый, слегка усталый взгляд. Не хватает только короткой седой бороды. Но папа и тут придумал выход. Вместо бороды он отрастил себе жёсткие колючие усы, которыми вечно царапает мои щёки, целуя меня на ночь.

Семейная легенда гласит, что свитер этот достался папе по наследству от его покойного дедушки. А шерсть для этого свитера, настриженную чуть ли не самим Пржевальским с целого стада верблюдов, спряла папина прабабушка, ныне тоже покойная. Короче говоря, это не свитер, а целый мемориал.

И цвет у него такой же – мемориальный. В смысле очень запоминающийся. Хоть и совершенно неопределимый. В нём смешалась вся палитра огненных песчаных бурь, сухих степных ветров, потрескавшейся на жарком солнце раскалённой пустыни.

– Не свитер, а мечта художника, – говорит папа, с кряхтением натягивая его через голову.

– Мечта старьёвщика, – поправляет папу мама. – Дай хоть дырки заштопаю.

– Не дам, – говорит папа. – Это не дырки...

– Ага! Скажи ещё, вентиляция!

– И не вентиляция. Это... это... связь с космосом! Прямой контакт с инопланетными мирами и цивилизациями.

По всей видимости, вместо антенны папа использует собственный локоть, который нахально выглядывает из огромной рваной дыры на левом рукаве.

– Ну и что тебе нашептали туда инопланетяне? – ухмыляется мама.

– Они мне нашептали, что на стадионе вчера залили каток. По-моему, пора наточить наши коньки. Где они, кстати? На антресолях?

Я заметила, что папин свитер, хоть и вступает в контакт с космическими мирами, почему-то очень любит наш земной спорт: пробежки всякие, велосипед, лыжи. Как только в выходные выдаётся хорошая погода или вдруг зимой выпадает снег, свитер сразу же развивает бешеную активность. Он размахивает рукавами, подстёгивает, подгоняет всех вокруг: собирайтесь, мол, живее, давайте бегать, кататься, играть... Вот за это я папин свитер немного недолюбиваю. И даже слегка побаиваюсь. Потому что он к тому же колючий, как стая диких разгневанных ежей.



А ещё у моего папы есть ботинки. Необыкновенные ботинки. Певучие ботинки. Самые что ни на есть музыкальные. Когда мой папа надевает эти ботинки, он становится как целый симфонический оркестр.

Трам-пам-пам! – выстукивают подошвы.

Тук-тук-тук! – вколачивают ритм в асфальт каблуки.

Скри-и-ип!!! – запекает левый башмак.

Пи-и-и-ип!!! – вторит ему правый.

А папа идёт со мной по улице и подпекает собственным ботинкам:

– Опять скри-и-пит потёртое седло-о-о...

Скри-и-ип!!!

– И ветер холоди-и-ит был-у-ую ра-а-ану!

Иу-у-уи!!!

– А дальше я не помню, – вдруг говорит папа. – Слова забыл.

И останавливается посреди улицы.

И ботинки останавливаются вместе с ним. Замирают, грустно скривив набок носы. Ждут, когда папа вспомнит слова. А если даже не вспомнит, то просто пойдёт, побежит, подпрыгивая и пританцовывая, мурлыча себе под нос. И ботинки побегут, запоют вместе с ним. Что-нибудь из Бетховена. Или «Вальс цветов». Или «Марш авиаторов». У ботинок и папы очень богатый репертуар.

И так они бегут и поют, и я бегу за ними вприпрыжку. И папа вдруг кричит на всю улицу:

– Вспомнил!

– Что?! – кричу я.

– Слова вспомнил! Только не те, а другие! Слушай!

И папа, приплясывая, поёт:

– Скри-и-ипка рыдает вечерней порой...

Скри-и-ип!!! – рыдают папины ботинки.

– Хвати-и-ит!!! – рыдаю я. – Сто-о-ойте!!!

Мои ботинки не такие музыкальные и шустрые, как папины. Поэтому они никогда не могут за ними угнаться.

Скри-и-ип!!! Скри-и-ип!!! Скри-и-ип!!! Мы возвращаемся домой.

– Смазал бы ты их, что ли, – вздыхает мама. – А то с тобой рядом ходить невозможно.

Я и крем специальный купила.

– Крем – это для всяких барышень, вроде тувель на шпильках. – Мой папа непреклонен, как скала. – А мои ботинки от него только фальшивить начинают. Тональность у них меняется, понимаешь?

Нет, мама не понимает. Она снимает свои шпильки и идёт готовить нам ужин. Папины ботинки, утомившись, затихают в углу. Шляпа отдыхает, развалившись на полке. Свитер свернулся калачиком на стуле.

Папа переодевается в растянутые на коленках треники и выцветшую голубую ковбойку. Суёт ноги в самые обыкновенные старые фетровые тапки.

Когда мой папа надевает тапки...

– Ну что? – потирает он довольно руки. – После ужина партейку?

Когда мой папа надевает тапки, мы с ним садимся играть в шахматы. Папа раскладывает на табуретке доску. Я расставляю фигуры. По краям ладьи. Рядом с ними кони с изогнутыми шеями. Потом два слона и ферзь с королём. Впереди – целый ряд воинственных пешек.

– Твой ход, – говорит папа.

И убирает с доски своего ферзя и ладью. Это он так даёт мне фору. Поэтому мы очень часто заканчиваем вничью. Два раза я даже у него выигрывала.

Потом мы с ним вместе смотрим «Спокойной ночи, малыши!». Хоть мама и говорит, что мы совсем уже того... впали в детство.

И папа читает мне на ночь свою любимую книжку – Гайдара или, скажем, про пятнадцатилетнего капитана по имени Дик. И рассказывает свои бесконечные истории: про шляпу, и звёзды, и космические галактики, и много ещё про что.

Больше всего на свете я люблю, когда мой папа надевает тапки...



Как папа не стал лётчиком



– Когда я был маленький... – говорит мой папа.

Папа очень любит так говорить. Мол, когда он был маленький, всё было не так, как теперь. Гораздо лучше всё было в стародавние времена его детства. Речки глубже. Вода в них чище и теплее. Зима белее и морознее. Трава зеленее. Небо голубее. И облака на нём – в сто раз кучерявее. Сахар слаще. Про мороженое и говорить не приходится.

– Ты такого никогда и не пробовала! – смакует воспоминания папа. – С орехами! Всё облито шоколадом! М-м-м! Теперь такого уже не делают.

И докторской колбасы такой не делают. И сгущёнки, которую было принято варить вместе с банкой в большой эмалированной кастрюле. И конфет.

– Были в наше время такие леденцы, – рассказывает папа, – в коробочке. Монпансье назывались. Так вот, мы с ребятами...

Ребят, какие были тогда, теперь уж тоже нигде не сыщешь. Нет таких ребят на всём белом свете. Чтобы так умели дружить. И друг за друга горой. А учиться любили – ужас! В школу бежали наперегонки. Никогда не болели. А если вдруг заболеют, то тут же выздоравливали. Особенно если на носу контрольная.

– На контрольную приходили все, – объясняет папа. – Даже с температурой сорок градусов.

Пропустить физкультуру или лыжный забег для них было хуже самого страшного наказания. А уж читали... запоем! Всё подряд по программе и даже то, что не по программе... в общем, за уши не оторвать!

Да! Папе можно только позавидовать – так хорошо всё было, когда он был маленький.

Только я в это не верю. Вообще. Ну в то, что когда-то мой папа был маленький. На него посмотришь – сразу скажешь, что не может этого быть.

– Ну вот же, гляди!

Папа достаёт из шкафа большую картонную коробку, в которой у нас хранятся семейные фотографии. Вываливает целую кучу на диван.

– Вот же я! Вот! Не узнаёшь?

На фотографии тощий ушастый мальчик сидит на коленках в море. За его спиной стоит дядька в трусах и соломенной шляпе. Он держит мальчика двумя руками за его лопухие уши

и даже слегка оттягивает их в стороны, чтобы они казались ещё больше и красивее. Во всю дядькину грудь нарисован огромный орёл. Одно крыло орла слегка опущено вниз, к дядькиной подмышке. Другое задрано кверху, к самому плечу. Как будто этот орёл вот-вот оттолкнётся лапами, взмахнёт могучими крылами и улетит в голубое бездонное небо.

– Это я, – тычет в мальчика пальцем папа. – Это мой папа. Твой дедушка.

На самом деле фотография размером чуть больше почтовой марки. Вся потрескавшаяся и какая-то жёлтая. Толком разглядеть ничего невозможно. Какой-то мальчик... какие-то уши... полустёртый орёл...

– Ошибка молодости, – объясняет про орла папа. – Отец татуировку сделал... потом всю жизнь жалел...

А по-моему, красиво.

Жалко, что у моего папы такого орла нет. И вообще никаких татуировок. Зато у него есть усы. И лысина в полголовы. Он её ужасно стесняется.

И ещё у папы уши. Большие и слегка заострённые кверху, как у эльфов и всяких прочих гоблинов. Я сравниваю папины уши с ушами на фотографии. Вроде похоже... а может, не совсем...

– Вот ещё, смотри.

Папа протягивает мне следующую фотографию. На ней другой мальчик, но с такими же ушами, как у первого. Он уже не в трусах, а в мышинового цвета школьной форме. Держит в руках модель корабля – то ли фрегата, то ли авианосца. Я в них вообще не разбираюсь, в этих плавучих средствах.

– Когда я был маленький, – объясняет папа, – я мечтал стать моряком.

Про это он тоже любит рассказывать. Как он кем-то мечтал стать. А потом, конечно, не стал. Обстоятельства помешали.

Например, сначала он хотел поступать в морское училище, но передумал.

– А если бы на подводную лодку откомандировали? А? То-то!

Папа очень боится замкнутых пространств. Даже в лифте ездит с опаской.

Потом он чуть не стал космонавтом. Только в космическом корабле пространства не больше, чем в лифте. И папа решил пойти в геологи.

– У геологов такая интересная жизнь! Такие открытые пространства! – захлёбывается от восторга папа. – Они всё время ходят в поле. Ищут там железную руду, нефть, лучистый колчедан.

– В поле же рожь, – удивляюсь я. – И ещё сорняки. При чём тут...

– Ну не знаю, – чешет затылок папа. – У них, наверное, какое-то другое поле...

Геологом он тоже не стал. Потому что его друг Славка Дерябин вдруг решил пойти в артисты.

– А куда мне было деваться? – спрашивает папа. – Пришлось за компанию идти в театральный кружок. Мы ж тогда знаешь как дружили! Не разлей вода!

Папа до сих пор вспоминает какого-то то ли бедного, то ли бледного Йорика. Хотя вообще-то этот Йорик, как оказалось, на самом деле был черепом. И вот мой папа чуть что, сразу хватает со стола сахарницу (настоящего-то черепа у нас нет и отродясь не бывало) и обращается к ней торжественно и печально: «Быть или не быть, вот в чём вопрос». Они тогда очень Шекспиром увлекались. Целый месяц «Гамлета» репетировали.

А потом Славка кружок бросил, потому что захотел стать лётчиком. Папа решил не отставать.

– Вот, смотри!

На фотографии третий ушастый мальчик, чуть постарше первых двух, сидит на огромном стогу сена и смотрит из-под ладони в небо. Рядом сидит другой мальчик, весь конопатый, в закатанных по колено штанах.

– А-а-а... при чём тут лётчик... где же самолёт?

– Улетел, – вздыхает папа.

Папа садится поудобнее, обнимает меня за плечи и начинает рассказывать.

– То лето я провёл в деревне, – голосом древнерусского сказителя заводит свою песнь папа. – Деревни тогда были...

Деревни, конечно, были не чета нынешним. Дома в них были огромные, как дворцы. Печные трубы упирались в небо. Клубника выростала размером с кулак. Яблоки, те вообще были как арбуз. Коровы по деревне ходили, словно бронетранспортёры. Молока давали – зараз тонну. И жирность у него девяносто пять процентов. С половиной.

– И завёлся у меня там дружок, – продолжает папа. – Колькой звали. Ивановым. Механизатором хотел стать. Точнее говоря, комбайнёром.

– Комбайнёром, это, наверное, хорошо? – спрашиваю я.

– Вот и Колька так думал, – ухмыляется папа в усы. – Он же про самолёты ничего почти и не знал.

И стал мой папа (который в то время никаким, конечно, папой не был) этого Кольку просвещать. Про фюзеляжи там всякие, лонжероны и что там ещё у них есть, у самолётов.

– Подумаешь! – говорил Колька. – Лонжероны! Ты хоть раз в жизни на настоящей телеге катался?

– На телеге? – удивлялся папа.

– Ну с оглоблями и лошадьё впереди.

Папа тогда и знать не знал, что такое оглобли. Про лошадьё-то он, конечно, что-то слышал.

– У меня дядя бригадиром в колхозе работает, – сказал тогда Колька. – Хочешь, смотаемся к нему завтра?

...В поле пахло скошенной травой. Тут и там торчали островерхие стога. Стога были огромные, как Альпийские горы. Вокруг стогов суетились люди, перекладывали сено на телеги исполинскими вилами, кричали «но!», «тпру!», «куда пошла, дурында!».

– Вот оглобли.

Колька показал на две торчащие из телеги палки.

– Вот Чалый.

Между оглоблями лениво помахивал хвостом серый, с проседью, конь.

– Вот мой дядя. Василием Степанычем звать.

Василий Степаныч оказался весёлый и весь покрытый неровным загаром. Лицо и шея у него были тёмно-коричневые, а руки и грудь – молочной, какой-то даже детской белизны. Одет он был в засаленные штаны и выдавшую виды кепку, лихо сдвинутую на затылок.

– Здорово, племяш! – сверкнул зубами Василий Степаныч. – С другом пришёл? Как звать-то?

– Минькой. Дядь Вась, он на телеге никогда не катался.

– Во дела-а-а... – почесал в затылке дядя Вася. – Что ж прикажешь делать?

– Прокати, дядь Вась...

– А что мне за прок? – усмехнулся дядя Вася. – Что мне с того будет?

– Мы тебе за это большое спасибо скажем!

– Спасибо – это хорошо, – согласился Василий Степаныч.



В те счастливые времена вообще всё делали за спасибо и счётов никто ни с кем не водил.
– Ну, полезайте! – командовал бригадир. – Вон, Федька сейчас поедет...
– Пошли, пока не передумал, – шепнул Колька папе... в смысле Миньке... в смысле...
ну, в общем, вы поняли.

И они наперегонки бросились к телеге, на которой уже выросла куча сена размером с Казбек. Колька едва успел крикнуть «спасибо», как они уже были на самой вершине этого Казбека, под облаками.

Тут-то Василий Степаныч достал из кармана свой старенький «ФЭД» и щёлкнул.

– А фотографии-то когда будут? – крикнул сверху Колька.

– Н-н-но! – причмокнул Федька и взмахнул поводьями.

– И-и-и! – согласилась лошадь.

Телега дёрнулась. Казбек покачнулся. Они поехали.

Чалый шёл не спеша, как будто боялся расплескать свою ношу. Телега ровно, усыпляюще подрагивала. Сено колело босые ноги, лезло за шиворот и в рукава.

– Всё-таки комбайнёром быть хорошо! – сказал Колька и откинулся на спину.

– А лётчиком лучше!

Мой папа тоже улёгся на сено, рядом с Колькой. Сверху на него смотрели ватные облака. Под облаками шныряли, перечёркивая небо, юркие ласточки. Высоко-высоко оставил белую полосу еле различимый с земли самолёт...

...Папа задумывается, смотрит в окно, как будто ищет там тот самый след от самолёта.

– Ну самолёт. Ну и что?

– И вот я кричу ему с телеги: выпустить закрылки! штурвал на себя! проверить крейсерскую скорость!

– А он?

– Что он?

– Ну выпустил закрылки-то?

– Да шут его знает. Может, и выпустил. Снизу-то не разглядишь.

– Ну и что?

– Что?

– Дальше-то что?

Папа перебирает старые фотографии.

– Дальше? Дальше проехали поле, потом перелесок, потом через речку по мосту.

– Ну а дальше-то... дальше!

– Дальше... ну, слушай...

...Мимо папы с Колькой проплывали облака, верхушки деревьев, печные трубы и крыши домов. Въехали в деревню.

– Самолёты красивее, – говорил Кольке папа. – Они такие стремительные, серебристые.

– Зато комбайны нужнее, – спорил Колька. – Они зерно собирают. Как без хлеба-то?

– Ага! – горячился папа. – А как ты без самолёта на Северный полюс попадёшь?

– А зачем мне туда?

– Эх ты, комбайнёр...

– Скоро на месте будем, – раздался снизу сиплый Федькин голос.

Они и не заметили, как добрались. Так хорошо было ехать в телеге, развалившись на мягком сене, – мечтать, спорить про комбайны и самолёты, смотреть в голубое небо, на облака.

И так они на эти облака засмотрелись, что...

Никто сразу и не понял, как это произошло...

В общем, ехали они себе, ехали, тряслись на неспешной телеге. И вдруг...

– Там при подъезде к этому сараю... ну куда сено свозили... – объясняет мне папа, энергично размахивая руками. – Так вот, там забор был. И ворота. По бокам два столба. А между ними, сверху, перекладина. И вот об эту перекладину...

...Стог оказался слишком высоким. Гораздо выше этой самой перекладины. Только почему-то никто этого сразу не заметил.

– Н-н-но-о-о! – хлестнул Чалого Федька.

– И-и-и! – обрадовался Чалый.

Почувствовав близкое избавление от тяжёлой ноши, конь рванул вперёд.

Стог сена подпрыгнул на телеге и рванул вслед за Чалым.

Верхушку стога срезало перекладиной подчистую. Раз – и нету её. Как будто и вовсе не бывало.

– Летели мы долго, – вспоминает папа. – Минут пять. Ну ладно, четыре. В общем, вся жизнь перед глазами... небо... фюзеляж... бедный Йорик...

Шлёпнулись они метров за пятьдесят от ворот и телеги. Все сразу набежали. Особенно Федька переживал:

– Как же это я? Что ж это? Не расшиблись?

Было почти не больно. Они ж прям на сене и летели. На нём, собственно говоря, и приземлились.

Колька на папу всё ворчал:

– Фюзеляжи... лонжероны... долетались! Я ж говорил, комбайны лучше. Ближе к земле. В деревне их так и прозвали. Лётчиками.

– Эй, лётчик! – кричали папе. – Самолёт свой где потерял?

Папа тогда страшно обиделся и лётчиком становиться передумал. Комбайнёром он, правда, тоже не стал. Да и кому нужны в городе комбайнёры?

Зато мой папа окончил институт и стал инженером. А что? Хорошая профессия. Не хуже лётчика, между прочим.

А от той папиной мечты только фотография и осталась. Ну где он сидит на стогу и смотрит в небо. Это ему Василий Степаныч подарил. Добрый человек был. В те времена все были как-то добрее.



Привет от тёти Розы



Пирог был очень большой и совершенно круглый. К тому же красивый – божественно. Как божественно всё, что выходит из рук тёти Розы. Никто другой таких пирогов печь не умеет, даже моя бабушка (не говоря уже о маме).

Вся середина пирога была тёмно-красная от тесно прижавшихся друг к другу спелых вишен. Вишни блестели боками, утопая и плавясь в густом аппетитном желе. По краям золотился валик рассыпчатого румяного теста.

От пирога шёл упоительный, можно сказать, изысканный запах. И весь он был восхитителен и неповторим, как произведение искусства. Даже страшно было подходить к нему с ножом. Смахивало на какое-то святотатство.

– Та вы шо! Выдумали тоже, – говорила в таких случаях тётя Роза. – Шо на него любоваться? Его кушать надо, на то он и пирог!

Подобно тёти-Розиной выпечке, её речь изобиловала удивительными нюансами и неожиданными вкусовыми обертонами.

То, что пирог столь же вкусен внутри, сколь и восхитителен внешне, было видно с первого взгляда. Пекла тётя Роза, как дышала: так же естественно и просто.

– А шо тут мудрить? – вопрошала тётя Роза, воздев к небесам руки, по локоть вымазанные в муке. – Того немножко добавила, сего маленько подсыпала. Раз-раз, и готово!

Теперь-то я понимаю, что это называется талант.

Готовила тётя Роза всегда много, обильно и вкусно. И угощала своими блюдами всех: родных, знакомых, полужнакомых, случайно забредших на огонёк.

– Люблю кормить людей. Шобы сыты, пьяны и нос в табаке, – хрипло смеялась она.

В добавление к своему кулинарному таланту тётя Роза была сказочно красива. Почти как актриса Софи Лорен в фильме «Брак по-итальянски». Такая же гордая стать, причёска, огромные кошачьи глаза. Вот только жила тётя Роза далеко от Италии. Хотя и на море. На Азовском. В городе Таганроге.

– Город как город, – пожимала плечами тётя Роза. – Везде люди как-то живут.

И всё-таки для Таганрога тётя Роза была слишком хороша.

Наверное, именно поэтому каждый год она брала в турагентстве путёвку и отправлялась показывать свою красоту в дальние края. Лазурный Берег, Коста-Бланка, Золотые Пески...

Каждый раз накануне её отпуска в нашей квартире раздавался звонок.

– Шо? Соскучились? Заждались? – кричала тётя Роза в телефонную трубку. – Таки завтра я выезжаю! Гостинцы везу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.